

УДК 322

DOI: 10.24044/sph.2017.4.42

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Е. М. Дринова
Н. В. Пискунов

*Кандидат философских наук, доцент,
e-mail: edpinova@mail.ru,
ассистент, ORCID 0000-0002-2727-7558,
e-mail: piskunov.nikita.1991@mail.ru,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия*

DIALOGUE OF CULTURES IN THE SPACE OF PUBLIC POLICY

E. M. Drinova
N. V. Piskunov

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor, e-mail: edpinova@mail.ru,
teaching assistant, ORCID 0000-0002-2727-7558,
e-mail: piskunov.nikita.1991@mail.ru,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

Abstract. In the article are researched the problems of dialogue's conducting in the institutional design of public policy. The important place is giving to the analysis of intercultural confessional dialogue in the space of public policy. To the number of internal factors of intercultural confessional dialogue concern – mutual understanding of actors, the consensus searching, secular postulates' searching in the decision of political, social and confessional problems. The dominant external factors of intercultural confessional dialogue are appeared – political democratic regime, developed structures of civil society, tolerance. The authors came to conclusion: the productive intercultural confessional dialogue is possible with the presence of above-designated factors, of public policy actors' intention to the solution of the difficult cultural spiritual problems, which have a place in the modern Russian society.

Key words: intercultural confessional dialogue, institutional design of public policy, civil society, institutes of democracy, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, confessions.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации
и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039.*

На современном этапе развития общества культурное взаимодействие между отдельными государствами, этносами, конфессиями, социальными группами представляется важным для понимания идеи общности будущего человечества, конструктивного развития мировой политической системы, предотвращения конфликтных ситуаций, терроризма. Анализ культурного взаимодействия в институциональном дизайне публичной политики

следует начать с вопроса о том, что представляет собой диалог культур. На рубеже XX–XXI вв. произошло целостное осмысление взглядов на развитие культуры человечества, усиление профессионального сообщества политологов, историков, культурологов, социологов, исследующих многообразие человеческой культуры, конфессиональных культур. Идеи культурного взаимодействия были обоснованы

в зарубежных и российских концептах диалога культур.

Западная политическая традиция основывается на концепте Ю. Хабермаса. Доминантным принципом диалога культур является принцип универсализации, получивший свое «обоснование посредством его трансцендентально-прагматического выведения из аргументативных предпосылок» [4, с. 146]. Институциональная значимость норм диалога строится на всестороннем одобрении его основополагающей идеи. Диалог возможен при условии, что между его актерами предполагается «рационально мотивированное согласие» [4, с. 166], они идут на согласование планов по проведению совместных действий. Основным механизмом координации действий становится ключевое взаимопонимание, которое основывается на общих убеждениях акторов, ведущих межкультурный диалог. По мнению Ю. Хабермаса, современная политическая система турбулентна, нормой является социально-политический конфликт, что приводит к ухудшению диалогического процесса в институциональном дизайне публичной политики. Несмотря на возможное отсутствие консенсуса между политическими, социальными субъектами межкультурного диалога, утверждается идея возможности коммуникационного взаимодействия посредством аргументации [4, с. 200].

Следует отметить, что в западной политической науке отсутствует единая позиция по поводу политического межкультурного конфессионального диалога в пространстве публичной политики, порой ученые придерживаются диаметрально противоположных позиций. Существующая полиполярность обусловлена в ряде случаев тем, что в современном мире существует множество топосов религии, которые продуцируют конфессиональные предпочтения различных социальных групп. Топосы религии различаются

уровнем политизации, радикализма, актуализации конфессиональных верований.

Как отмечает Р. Рорти, при анализе межкультурного конфессионального диалога акцентируется внимание на условиях его проведения. Продуктивный диалог возможен при следующих условиях: разведены понятия политика и религия. Первая относится к публичной сфере, в то время как вторая к частной, духовной жизни человека; публичная и частная сферы не должны смешиваться. Исследовательская версия автора базируется на следующих положениях: необходимость перевода религии в область частной жизни для того, чтобы «в ходе аналитической дискуссии с теми, кто находится вне пределов соответствующего религиозного сообщества, она (религия) оказывается тормозом диалога» [6, с. 169]. В публичной политике эффективность диалога возрастает при одном неоспоримом условии, необходимо исключить выражения религиозных постулатов из публичной политики. При ведении диалога следует использовать общие для всех акторов постулаты. Как отмечает Р. Рорти, принятие политических решений, основанных на религиозных постулатах, является неуважением к тем гражданам, которые не принимают эти постулаты и придерживаются иного мнения, следовательно, делать политические выводы исходя из религиозных убеждений весьма некорректно [6]. В публичной политике стран развитой демократии верующие и атеисты имеют право высказывать свои политические взгляды, на ход межкультурного конфессионального диалога влияют как религиозные верования, так и их отсутствие.

В ином аспекте рассматривают дефиницию «диалог культур» российские ученые. Как отмечают И. М. Меликова и А. А. Гезалова, диалог культур предполагает и культуру самого диалога. Культура выступает как поле взаимодействия и идеи единства многообразия культур [1, с. 28]. По мнению С. И. Шариной, данное

понятие используется в социально-политическом процессе, с целью сформировать толерантность в межэтнических и конфессиональных отношениях [5, с. 513]. Ведение диалога возможно при наличии знания конкретных этнических культур, их вариативности [5, с. 513]. В институциональном дизайне публичной политики ведение социально-политического, межкультурного, конфессионального диалога выступает механизмом формирования толерантности в обществе.

Диалог этноконфессиональных культур в публичном пространстве России – исторический аспект. На протяжении XVI–XIX вв. на всей территории Российской империи доминировала православная религия. Остальные конфессии, традиционно существовавшие на территориях, присоединенных к России – ислам, буддизм, и др. – подвергались всевозможным видам ущемления. По этой причине не представляется возможным провести анализ культурного диалога в России вплоть до начала XX века. В 1905 году был принят Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», который оказал влияние на формирование межкультурного конфессионального диалога культур в публичном пространстве России [2]. Был закреплен политический статус православия как господствующей религии, остальные конфессии рассматривались в качестве «терпимых» [2]. Следует отметить, что в этот период происходит формирование «диалога» между православием и другими религиями.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила возможность дальнейшего ведения межкультурного конфессионального диалога в публичном пространстве. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви [3], подорвал позиции Православной российской церкви, лишил ее социально-экономических рычагов воздействия на российское общество, тем самым, «выбив» ее из культурного диалога на дли-

тельное время. Свою победу над православной религией советское атеистическое государство окончательно закрепило в 1930-е годы, тогда были репрессированы многие священнослужители. Кроме Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), в ходе репрессий пострадали и традиционные оппоненты РПЦ – старообрядческие общины. «Потепление» отношений между РПЦ и советским государством имело место во время Великой Отечественной войны, институт религии был опосредовано вовлечен в поле публичной политики, целью данной акции стало поднятие духа патриотизма.

В начале 1970-х гг. начинается возобновление межкультурного конфессионального диалога в публичном пространстве СССР, церковные иерархи разных конфессий приглашаются в Москву, принимают участие в деятельности Совета по делам религий. Перестройка, распад Советского Союза, формирование Российской Федерации стали основополагающим факторами возобновления и активного ведения межкультурного конфессионального диалога в институциональном дизайне публичной политики.

Тренд публичной политики в XXI веке – диалог культур в контексте этноконфессионального кроссинга гражданского общества и государства. Формирование в современной России институтов демократии, развитых структур гражданского общества дали возможность участвовать в межкультурном этноконфессиональном диалоге по решению сложных политических, социально – экономических проблем правозащитным организациям, институту религии, политическим партиям, союзам предпринимателей наряду с государственными структурами.

В числе основных принципов ведения диалога отметим: доминирование культурного плюрализма в институциональном публичной политики; толерантность по отношению к иным социальным группам, иным этноконфессиональным куль-

турам; укоренение в общественном сознании социально-политических ценностей, существующих в российском обществе.

Институциональные формы гражданского общества имеют возможность легально участвовать в публичной политике совместно с государственными структурами при решении социально-политических проблем, вести конструктивный межкультурный этноконфессиональный диалог. Следует помнить, что их активность, участие в социально-политической жизни, возможность и желание вести межкультурный диалог выступает залогом стабильного развития страны.

Библиографический список

1. Меликов И. В., Гезалов А. А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 24–35.
2. Сборник материалов конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 511–514.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – С. 849–858.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Санкт-Петербург, 2001.
5. Шарина С. И. Понятие «диалог культур» и образовательный процесс // Серия “Symposium”, Инновации и образование. Выпуск 29.
6. Rorty R. Religion as a Conversation – stopper. Philosophy and Sosial Hope. London, 1999.

Bibliograficheskiy spisok

1. Melikov I. V., Gezalov A. A. Dialog kul'tur i kul'tura dialoga: konceptual'nye osnovy // Voprosy filosofii. – 2014. – № 12. – S. 24–35.
2. Sbornik materialov konferencii Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003. – S. 511–514.
3. Sobranie uzakonenij i rasporyzhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – M., 1942. – S. 849–858.
4. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. – Sankt-Peterburg, 2001.
5. Sharina C. I. Ponjatie «dialog kul'tur» i obrazovatel'nyj process // Serija “Symposium”, Innovacii i obrazovanie. Vypusk 29.
6. Rorty R. Religion as a Conversation – stopper. Philosophy and Sosial Hope. London, 1999.

© Дринова Е. М., Пискунов Н. В., 2017.